

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Навечно в памяти народной

Дмитрий Щеглов

В тихом сквере сегодня стоит памятник трем коммунистам-большевикам, членам ВКП(б). В Перово, у дома № 18 по улице Плющева, в 1927 году ячейкой ВКП(б) Перовского вагоноремонтного завода М.КАЗ.ж.д. был установлен памятник: П.К.Плющеву (1890—1920), В. И. Гинц, (1886—1921), А.И.Мочалкину (1889—1918). Под фамилиями коммунистов-большевиков — короткая, скорбная эпитафия: «Первым бойцам за пролетарскую диктатуру и нашим организаторам».

Отдать им дань памяти 8 октября пришли сегодняшние коммунисты, члены Перовского отделения КПРФ, местные жители.

Вспомним об одном из героев памятника — Павле Карповиче Плющеве. Рабочий-столяр, участник Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны стал организатором партийной ячейки в Перовских вагоноремонтных мастерских.

Как это было? 1915 год. Война. Жесточайшая эксплуатация на производстве, грошовая заработная плата. Тревожные вести с фронта. Неимоверный рост цен. Огромные очереди у лавок за хлебом, за керосином. Глухой, недовольный ропот обманутых ура-патриотической пропагандой царизма людей. Естественная тяга рабочих к партии большевиков, обещающей пре-

кратить империалистическую бойню и развернуть штыки в другую сторону.

Плющев активно работает в большевистской «первичке» Перовских вагоноремонтных мастерских. Замечательный оратор. Вско, словно чугунные гири, роняет выстраданные слова о владельцах ремонтных мастерских, семье фон Мекк. Суровая правда в устах большевистского агитатора о сути буржуазной эксплуатации поднимает волну гнева в сердцах рабочих. Умы забродили. В декабре рабочие объявляют первую забастовку. В результате хозяин повысил заработную плату на 10%. Сумма незначительная. Но первая победа укрепляет веру рабочих в собственные силы. Выдвигаются новые требования: восьмичасовой рабочий день, прекращение войны. Однако капитал больше не намерен сдавать позиции ни на йоту. Он идет в наступление. Более тридцати рабочих брошены в тюрьму, и среди них — Павел Плющев.

После Февральской революции многие революционеры были выпущены из тюрем. Плющев вновь появляется в Перово. В июне 1917 года, в Перовских мастерских им был сформирован первый отряд Красной Гвардии. Он нес охрану станции, мастерских, близлежащих поселков. Плющев на этом не останавливается и организует еще несколько красногвардейских отрядов.

А в преддверии рабочей рево-

люции, к октябрю, перовские большевики создают военно-революционный комитет и штаб Красной Гвардии, председателем и начальником которых был избран Павел Плющев. В штабе, в помещении конторы Перовских мастерских, вводится круглосуточное дежурство, хранятся амуниция и оружие.

Октябрь. Дел невпроворот. После Октябрьской революции в Перово появляется комсомольская ячейка, состоящая из сорока человек. Стала выходить газета «Дума Перовцев». Советская власть окончательно утверждается на местах. В августе 1918 года управление железной дорогой окончательно переходит в руки Главного Дорожного военно-революционного комитета, членом которого является Павел Плющев.

В ноябре 1918 года партия направляет его на восточный фронт — комиссаром Управления военных сообщений 1-й армии Туркестанского фронта. После тяжелого ранения Плющев демобилизован и в 1920 году. Плющев возвращается в Перово, а в декабре того же года, в возрасте 30 лет, он умер от тифа.

Вечная память героям, борющимся за благо советского народа и всех людей на земле! Символично, что у памятника трем пламенным коммунистам-большевикам 8 октября приняли партийную эстафету три новых члена партии — Владимир Сабанцев, Евгений Окара, Владимир Васильев. Партий-

ные билеты вручала секретарь Перовского райкома КПРФ — Тамара Картинцева. Депутат муниципального собрания Ми-

хаил Перов рассказал о работе сегодняшнего коммуниста, дал нелицеприятную оценку нынешней буржуазной власти.

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Я родилась в Ростове-на-Дону в 1936 году. У меня было еще два брата по матери, 1928 и 1930-го годов рождения. Мой отец с нами не жил. Мама работала на мукомольном заводе, братья ходили в школу, а я — в детский сад.

Мы жили в небольшом домике. У нас была одна длинная комната с печкой, которую топили дровами. На ней готовили, ей и обогревались.

Когда началась война, я и мои сверстники, в силу возраста, не очень понимали, что происходит. Даже когда после воздушной тревоги раздавался гул самолетов, а затем со свистом летели бомбы, мы, лежа под кроватью, под которую прятались, с интересом ждали, попадут они в дом или не попадут.

Попали. Не знаю, кто и как пострадал, но наша комната была разрушена. На счастье, во время этого налета никого из нас дома не было.

Случилось так, что братьев эвакуировали со школой на Урал. По дороге они сбежали, но не вместе. Я не знаю, почему, вернувшись в Ростов, они не нашли ни друг друга, ни нас, хотя мама продолжала работать там же, где и раньше, а я — ходить в детский сад, местонахождение которого они знали. Правда, жили мы в другом месте. Это был маленький закуток в огромном подвале полуразрушенного дома.

В один из налетов был разрушен детский сад. После тревоги нас успели быстро увести в газоприбежище, которое было под соседним домом. А когда мы вышли, то увидели, что от двухэтажного садика почти ничего не осталось.

А дальше, с 1942 по 1947 год, мы вели поиски ребят. Мы иска-

ли их по детприемникам, на вокзалах среди беспризорников, которых было очень много. Но своих так и не нашли.

И только в 1956 году нас нашел младший брат.

Из-за постоянных разъездов у нас не было жилья и мама не работала, поэтому на зимнее время она периодически сдавала меня в детские дома.

Пребывание в трех из них, несмотря на тяжелое военное время, да и послевоенные голод, разруху, вспоминаю с большой теплотой. Персонал относился к нам, как к своим детям. Да и мы, разные по возрасту, были очень дружны между собой. Старшие заботились о младших, никаких серьезных ссор и драк.

Осенью 1944 года маме дали направление в детдом «Довлато-

во». Он считался спецдетдомом для детей комсостава. Видимо, из-за отца: он был начальником НКВД, значит, имел воинское звание. А где он был во время войны — мне неизвестно.

Приняли меня в доме, где жила директор с двумя сыновьями и медсестра.

После ухода мамы меня сначала постригли, вымыли в какой-то деревянной бочке, к одежде, в которой я была, выдали галоши, юбочку защитного цвета и майку. Потом, с наступлением холодов, дали еще валенки.

После «обработки» меня отвели в группу. Но назвать группой то, что было на самом деле, никак нельзя. Наверное, до войны это была ферма для скота. Помню только два длинных сарая со стойлами. В торце одного из

них была небольшая комната, видимо, для доярок. В этой комнате стояло несколько железных кроватей, стол и печка. Это и был весь детский дом. Детей было двенадцать-пятнадцать, на тот момент из девочек была только я. На одной кровати и под одной простышкой спали по двое. Понемногу дети прибывали, и когда стало тесно, комнату продлили вглубь сарая — для девочек.

Был человек, которого мы каждый день с нетерпением ждали. Хромой мужчина, его называли дезертир, один раз в день привозил нам еду — котел какой-то похлебки и несколько буханок черного хлеба. Наламывали хлеб, а похлебку наливали в железные миски, а тем, у кого их не было, — в консервные банки, благо их вокруг было много. Использовались и каски. Видимо, а впрочем, наверняка, там стояли немцы. Многие говорили об их присутствии.

Самое главное, чего там было в избытке, — оружие. Штабелями лежали противотанковые мины, ручные гранаты, лимонки, автоматы и горы патронов — россыпью и в патронташах. Было круто, как сейчас бы выразились, ходить опоясанными такими лентами с патронами.

Любимым развлечением ребят была игра с оружием. Играла даже я. Однажды, свернув змейкой целую ленту с патронами, засунула ее в духовку топившейся печки. Нетрудно представить, что произошло. Печку при-

шлось латать кусками глины.

Когда наступили холода, надо было чем-то топить, но кругом была степь — и никаких дров. Деревянные загоны для коров давно были сожжены — еще до нас. Выход был найден старшими ребятами. Они добывали тол из противотанковых мин. В основном из тех, которые были без запала. Но они знали, как обезвредить и мину с запалом. Разбирали и ручные гранаты, кроме лимонки. Тол очень хорошо горит. Но при горении он жутко гудел, и валил черный дым.

То, что я описываю, кажется страшным. Но страха не было. Воспринималось все как должное. Шла война, всем было тяжело. Оставалось другое чувство, которое заглушало все. Это чувство постоянного голода. Я до сих пор не переносю вареный лук. Не знаю, где ребята откопали кучу уже полусгнившего лука, который мы пекли в духовке и ели.

Однажды зимой кто-то сказал, что на дороге валяется мертвая лиса. Ребята, не раздумывая, рванули туда. Чем это закончилось, не помню, а вот жареных сусликов в консервных банках помню — это очень вкусно. Где мы их брали? Как только ранней весной начал таять снег, находили норку суслика, лили в нее много талой воды и ждали, когда он выскочит. Зажарив, делили по малюсеньким кусочкам.

Как и в других детских домах, где я была, в этом особенно, очень тепло, по-родственному относились друг к другу. И это помогало нам выживать. На мой взгляд, детей беда объединяет сильнее, чем взрослых.

Валентина Шишканова,
ветеран труда

